

© 1990 г.

ПАНФИЛОВ В.С.

КЛАССЫ СЛОВ (ЧАСТИ РЕЧИ) ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Грамматический класс. Омонимия лексическая и грамматическая¹

Грамматический класс — центральное понятие теории частей речи — представляет собой некоторое множество слов, обладающих общими грамматическими признаками. Для языков с развитой морфологией такими признаками могут быть морфологические показатели, в частности те, которыми маркируется изменение синтаксических функций слова, однако применительно к языкам, лишенным морфологического словоизменения, данный критерий, естественно, использован быть не может, и выделение грамматических классов слов должно производиться на каких-то синтаксических основаниях. К тому же и в языках с развитой морфологией морфологическая маркировка синтаксических различий не выдерживается последовательно до конца. Рассматривая этот вопрос на материале русского языка, А. А. Шахматов писал, что морфологические признаки «не составляют сами по себе основания для разграничения частей речи»: существительное, к примеру, не может быть определено как слово склоняемое, поскольку в русском языке имеется немало несклоняемых существительных [1]. Нельзя в связи с этим не согласиться с мнением, что в общелингвистическом плане синтаксические признаки частей речи важнее морфологических [2, с. 73]. В конечном счете, грамматические (категориальные) признаки слова формируются его синтаксическим функционированием и могут изменяться с изменением последнего: существительное, употребляемое исключительно в функции определения к глаголу, становится наречием, как, например, старые формы твор. падежа «верхом», «кругом» [3]. Таким образом, выделение частей речи при отсутствии морфологических признаков, проигрывая в формальной простоте, вместе с тем сводится к своей единственно реальной первооснове — синтаксису.

Грамматическим фактором, определяющим принадлежность слова к тому или иному классу, является тип функционирования слова, набор его синтаксических признаков (в широком понимании, включая и квазисинтаксические связи, см. ниже). Иначе говоря, речь идет о выявлении синтаксической парадигмы слова, ибо признаком категориальной отнесенности слова служит система его функций, а не то, в какой из них слово употреблено в данном конкретном примере, так же, как морфологическим признаком является система форм, а не одна какая-то форма [2, с. 73—74].

Коль скоро грамматический класс слов (часть речи) выделяется на основании функциональных признаков, он не может жестко детерминироваться ни материальной субстанцией слова, ни его индивидуальным лек-

¹ В статье принята следующая нумерация вьетнамских тонов: 1 — верхний ровный; 2 — верхний нисходящий (ˊ); 3 — нисходяще-восходящий прерывистый (ˊˊ); 4 — вопросительный (?); 5 — восходящий напряженный (/); 6 — тяжелый (ˋ).

сическим значением. Поясним это аналогией из социальной сферы. Если материально одно и то же лицо, некто Иванов, работает на заводе и учится в институте, то под углом зрения общественных функциональных признаков происходит как бы «раздвоение личности», своего рода социальная омонимия: на заводе числится рабочий Иванов, в институте — студент Иванов, и их материальное совпадение, как и полное тождество личностных характеристик, оказываются несущественными для функциональной классификации. Эти соображения подводят нас к вопросу об омонимии применительно к теории частей речи.

Омонимию в самом общем виде определяют как «звуковое совпадение двух или более разных языковых единиц» [4]. Если несмотря на звуковое совпадение, единицы являются все-таки разными, значит имеется какой-то существенный признак, обеспечивающий это различие. Очевидно также, что существенный признак единицы должен быть заложен в ее определении. Например, при определении лексической единицы как всякого образования, по характеру своего значения требующего фиксации в словаре, существенным признаком выступает индивидуальное значение, которым и обеспечивается отличие одной единицы от другой в случае их звукового совпадения: *nam*¹ «год/пять». Поскольку грамматический класс конституируется набором функциональных характеристик, материальное тождество и лексическое значение слова становятся несущественными признаками классификации. Слова, совпадающие по значению, могут относиться к различным грамматическим классам: *chu*¹ *ngnia*? *xa*? *hoi*¹ «социализм» / *xa*³ *hoi*⁶ *cnu*¹ *ngnia*³ «социалистический». Слова, различные по значению, могут быть идентичны по своей категориальной (частеречной) принадлежности: *riu*¹ «топор»/*Bia*¹ «молоток». Наконец, одна и та же материальная оболочка может скрывать различные наборы функциональных признаков, противопоставление которых релевантно для данной грамматической системы: *cu*¹*a*¹ «пила/пилить», *Wlang*² «беспокоиться/беспокойство».

Относительно примеров типа *lo*¹ *lang*⁵ «беспокоиться / беспокойство» в «Грамматике вьетнамского языка» говорится, что «одни и те же слова с различными значениями принадлежат к разным грамматическим классам» [5, с. 83]. Ссылка на значение здесь некорректна, во-первых, потому, что «беспокоиться» и «беспокойство» обозначают фактически одно и то же, во-вторых, потому, что при установлении категориальной омонимии существенно не само по себе различие значений, но обеспечивается ли этим различием релевантное для данного языка грамматическое противопоставление. Последний вопрос решается только с учетом соответствующего грамматического фона: поскольку во вьетнамском языке существительные и глаголы грамматически четко противопоставлены, признанию омонимии «существительное / глагол» в рамках материально одной и той же единицы не может помешать ни выводимость значений, как в случае *cu*¹*a*¹ «пила / пилить», ни их полное совпадение, как в случае *lo*¹ *lang*^{*} «беспокоиться / беспокойство».

Вскоре после выхода в свет «Грамматики вьетнамского языка» двое из ее авторов подвергли критике идею грамматической омонимии, начиная с примеров типа *cu*¹*a*¹ «пила/пилить», но не ограничиваясь ими. Рассмотрим антиомонимическую аргументацию подробно.

Первый антиомонимический аргумент — близость соответствующих лексических значений — есть результат смешения лексикологии с теорией частей речи. И. С. Быстров и Н. В. Станкевич пишут, что именные и глагольные значения в словах *cu*¹*a*¹ «пила, пилить»

*bao*⁵ *cao*⁵ «докладывать/доклад» ближе друг к другу, чем значения русского «стол» в сочетаниях «письменный стол», «военный стол», «диетический стол». Между тем в этих русских примерах степень расхождения значений не считается достаточной для признания омонимии [6, с. 92]. Речь здесь идет о лексической омонимии, и сколь бы ни были справедливы приведенные соображения с лексикологических позиций, они не имеют отношения к грамматической теории классов слов.

Второй антономимический аргумент, основанный на смешении грамматической теории слова и грамматической теории классов слов, состоит в том, что признание омонимии в примерах типа *си а'* «пила / полить» рассматривается как «европеизированный» подход: в европейских языках изменение грамматической принадлежности слова «обычно связано со словообразованием, т. е. автоматически приводит к новому слову», поэтому и в тех случаях, когда внешний облик слова остается неизменным, вопрос решают в пользу омонимии, как в англ. *sleep* «сон / спать» [6, с. 93]. Если классификация, действительно ориентирующаяся на морфологические, в частности, словообразовательные признаки, тем не менее не считает отсутствие таковых непреодолимым препятствием для выделения классификационного разряда, то это означает либо логическую непоследовательность, либо, что бы ни говорили при этом сами исследователи, ориентированность классификации на какие-то иные признаки, оказывающиеся фактически более весомыми, чем морфологическая маркировка грамматических различий. Эти реально действующие (синтаксические) признаки дают основания и для установления грамматической омонимии типа «предлог / наречие» (*after*) или «предлог / союз» (*for*), когда словообразовательный фон вообще отсутствует. Ссылка на словообразование уводит поэтому в сторону от сути дела, подменяя функциональный подход теории частей речи другим подходом, заимствуемым из грамматической теории слова. Центральным понятием последней является грамматическое слово, нарушение тождества которого, т. е. образование другого слова, действительно самым непосредственным образом связано с изменением материальной субстанции, однако к а т е г о р и а л ь н а я омонимия в примерах типа *sleep* «сон / спать» устанавливается вовсе не потому, что подобные слова рассматриваются на фоне пар, члены которых связаны отношением словообразовательной производности, но потому, что *sleep* «сон» и *sleep* «спать» обладают разными наборами синтаксических признаков или, иными словами, входят в разные синтаксические парадигмы, противопоставленность которых обеспечивается четким разграничением английских существительных и глаголов в синтаксическом плане. В этом смысле «европеизированным» выглядит подход, не различающий синтаксической первоосновы за пестротой морфологического маскарада, игнорируя давно выясненное положение, что если формальные признаки не ограничиваются морфологическими, то материально одно и то же слово может фигурировать в разных категориях [7].

Не ограничиваясь сферой знаменательных слов, сторонники антиомонимического подхода специально подчеркивают недопустимость омонимии типа «знаменательное слово / его служебный омоним». Первый довод в пользу такого подхода состоит в том, что «многие слова, традиционно относимые к служебным, способны употребляться и самостоятельно, например, *ve'* «относительно / возвращаться» [6, с. 98]. Довод этот, честно говоря, не совсем понятен: ведь предлог *ve* «относительно» самостоятельно не употребляется, а глагол *ve'* «возвращаться» никакая традиция к служебным словам никогда не причисляла. Впрочем, через несколько лет

после цитируемой статьи ее авторы сами обнаружат, что применительно к ге² «относительно» и ve² «возвращаться» «можно говорить об омонимических парах» [8]. Второй довод гласит, что у ряда слов, традиционно относимых к служебным, «стертое» лексическое значение влияет на их сочетаемость со знаменательными словами [6, с. 98]. Этот довод меньше всего принимают всерьез сами его авторы, тут же заявляя, что пространственно-временные слова (локативы), с одной стороны, выделяются в самостоятельный грамматический класс, но, с другой стороны, «могут функционировать как предлоги, переходя при этом в другую группировку- слов» [6, с. 103] — и это при том, что значение локативов отнюдь не «стертое» и явно влияет на их сочетаемость со знаменательными словами!

Представленная в цитируемой статье итоговая классификация частей речи вьетнамского языка насчитывает восемнадцать грамматических разрядов, один из которых составляют несомненные предикативы, другой — столь же несомненные существительные [6, с. 106—107]. Трудные же случаи типа *cu'a'* «пила / пилить», которым было уделено много внимания в теоретической части работы, здесь отсутствуют, поскольку в общей схеме «промежуточные группы на стыках частей речи» можно игнорировать [6, с. 97]. Читателю, который пожелал бы самостоятельно воплотить в жизнь теоретические взгляды авторов, в качестве первого шага пришлось бы решить, какова грамматическая природа «промежуточных» групп, располагающихся «на стыках частей речи». В соответствии с прямым смыслом этой формулировки промежуточные группы должны включать слова, одновременно обладающие признаками различных частей речи, подобно русскому причастию, выделяемому «на стыке» прилагательного и глагола, однако вьетнамское *cu'a'* «пила / пилить» в каждом конкретном случае своего функционирования есть либо существительное, либо глагол, но не существительное-глагол одновременно.

Проще всего было бы поместить слово *cu'a'* «пила» в разряд существительных, а *cu'a'* «пилить» в разряд предикативов. В противном случае, выдерживая установку на псевдопромежуточные группы, пришлось бы продублировать уже известную грамматическую информацию, выделив наряду с классом существительных и классом предикативов еще один, девятнадцатый по счету класс, включающий слова типа *cu'a'* «пила / пилить». Такой подход находит некоторое отражение в рассматриваемой классификации: наряду с несомненными междометиями выделяются в особый разряд и так называемые междометные слова — «знаменательные слова, основное значение которых позволяет использовать их для выражения чувств говорящего» [6, с. 100]. Однако при строгом соблюдении антиомонимических установок междометные слова даже в рамках общей классификации, учитывая выделение в ней существительных и предикативов, распадаются на два разряда, а при более дробной классификации, предполагающей подразделение предикатива на глаголы и прилагательные, дают уже три разряда «на стыках частей речи»: глаголы / междометия (*chét* «умереть / Жуть!»), прилагательные / междометия (*kho'* «тяжкий / /Скверно!»), существительные / междометия (*trô'i²* «небо / Боже!»).

Один из разрядов классификации представлен тремя отрицаниями: *khong'* «не», *chu'a'* «еще не», *Uu'ng²* «не следует» [6, с. 106], но при последовательной реализации своих теоретических установок авторы должны были бы ограничить данный разряд третьим отрицанием, а два первых выделить в очередной по счету класс «на стыке» частей речи: отрицания / конечные частицы.

Не менее плачевными будут последствия антиомонимического подхода,

если принять рекомендацию распространить его и на подклассы слов [6, с. 94]. Так, в работах, посвященных классификации вьетнамских глаголов, выделяется обычно около десятка глагольных подклассов, представляющих огромный материал в компактном и легко обозримом виде: глаголы переходные, давания, каузативные, модальные, модусные (чувства, мысли, речи), пассивные и некоторые другие (см. например [9]). С учетом антиомонимических рекомендаций «на стыках подклассов» начнут расти как грибы все новые и новые группировки, повторяя уже известную информацию и уводя деление в практически необозримую бесконечность: глаголы давательно-каузативные (*toi' cho' anh' tien'* «Я даю тебе деньги»; *toi' cfio' anh' nghi'* «Я даю тебе отдохнуть»), переходно-модально-модусные (*toi' bief' (lieu' do'* «Я знаю это»; *toi' bief' bo'i* «Я умею плавать»; *toi' bief' anh' hoc' tieng' Viet'* «Я знаю, что ты учишь вьетнамский язык»), переходно-модально-пассивно-модусные (*toi' duo'c' tier)* «Я получил деньги»; *toi' Iu'o'c' right'* «Я получил возможность отдохнуть»; *toi' tfw'o'c' khen'* «Меня похвалили»; *toi' du'o'c' anh' ta' mo' cu'a'* «Мне повезло, что он открыл дверь») и т. д.

При антиомонимическом подходе, если, конечно, относиться к нему серьезно, очень затрудняется описание грамматикализации и особенно такого ее конечного результата, когда служебное слово сосуществует с породившим его знаменательным. Между тем И. С. Быстрое и Н. В. Станкевич неоднократно возвращаются к вопросу о превращении некоторых знаменательных слов в служебные: в статье, написанной до принятия антиомонимических установок [10], и в работе, появившейся уже после их принятия, в которой как ни в чем не бывало констатируется омонимия *ve'* «относительно / возвращаться» [8]. При таком положении вещей рассмотренный выше антиомонимический подход не воспринимается как вполне сознательный пересмотр прошлых своих теоретических установок, налагающий на авторов определенные обязательства, касающиеся будущих исследований.

II. Понятийный аппарат классификации

Классификация слов по функциональным признакам неизбежно предполагает определение понятия функции, что в свою очередь связано с выяснением ряда смежных вопросов. Этому комплексу проблем была специально посвящена наша статья «Исходные понятия вьетнамского синтаксиса» [11]. Кроме того, в работе «О вьетнамских классификаторах» [12] ряд синтаксических понятий уточнялся применительно к объекту ее исследования. Хотя дальнейшее изложение предполагает знакомство читателя с упомянутыми работами, тем не менее важнейшие из представленных в них положений есть смысл повторить и уточнить с учетом нового исследовательского контекста. Это диктуется не только интересами читателя, но и самим существом дела, ибо выработка основополагающих синтаксических понятий — не из тех задач, которые поддаются одно-разовому и окончательному решению.

Функция в самом общем виде есть зависимость одного элемента от другого, выступающего в качестве аргумента данной функции. Функция слова есть, таким образом, некоторая зависимость данного слова от другого слова, словосочетания, предложения. Имея пока в виду только первый случай, т. е. соединение двух слов, заметим, что коль скоро функция может быть приписана данному слову лишь относительно какого-то другого слова, вопрос сводится к критериям разгра-

ничения господствующего и подчиненного элементов при грамматической связи двух слов, ибо равноправие элементов (сочинительная связь) не позволяет говорить о функции какого-либо из них.

Прежде чем анализировать характер зависимости одного слова от другого, следует убедиться в самом наличии грамматической связи между ними, что доказывается возможностью самостоятельного употребления данного сочетания, в частности — возможностью использовать его в качестве эллиптического варианта более сложной конструкции. Например, в последовательности *Si' vo'i³ anh'* «идти с тобой» имеется грамматическая связь между словом *di'* «идти» и остальной частью сочетания в целом; наличествует грамматическая связь и между элементами сочетания *Go'i³ anh'* «с тобой», тогда как последовательность слов *di' vo'i³* «идти с» как не способная к самостоятельному употреблению никакой грамматической связи не содержит [11, с. 66]. В последовательности *hai' con' meo'* «две кошки» (букв.: два-животное-кошка) имеется грамматическая связь между первым и вторым, а также между вторым и третьим элементами, тогда как между числительными *hai'* «два» и существительным *meo'* «кошка» она отсутствует [12, с. 60—61].

Грамматическая связь между словами может оцениваться по двум признакам: а) по внутренней организации сочетания, безотносительно к более сложному целому (внутренняя оценка); б) по отношению к более сложному целому (принцип репрезентации, или внешняя оценка). Каждая из оценок предполагает выявление направлений формальной и семантической зависимости между соединяемыми словами (о методике оценок см. [12, с. 61—62]).

Если при внутренней оценке сочетания направление формальной зависимости совпадает с направлением зависимости семантической, мы имеем дело с синтаксической связью. Например, в сочетании *doc⁶ sach'* «читать книгу» слово *sach'* «книга» выступает в некоторой синтаксической функции относительно слова *doc⁶* «читать», являющегося аргументом этой функции. При несовпадении направлений формальной и семантической связи (*nhu'ng³ ngu'o'i²** «люди»), а также если формальная связь не подтверждается семантической (*uo'f⁴ anh'* «с тобой»), имеет место к в а з и с и н т а к с и ч е с к а я связь между словами (подробнее см. [12, с. 62]). Так, в сочетании *vo'i³ anh'* «с тобой» слово *anh'* «ты» выступает в некоторой квазисинтаксической функции относительно слова *vo'i³* «с», являющегося аргументом этой функции.

Направления формальной и семантической зависимости, выявленные при внутренней оценке синтаксических связей, могут при переходе к оценке внешней либо полностью сохраняться, либо меняться на противоположные, либо «ликвидироваться» с позиций синтаксиса предложения, если соответствующее сочетание выступает в предложении как единое, синтаксически неделимое целое (подробнее: [12, с. 63]), в связи с чем сопоставление внутренней и внешней оценок позволяет подразделить синтаксические связи на подтверждаемые (*doc⁶ sach'* «читать книгу»), опровергаемые (*con' meo'* «кошка») и аннулируемые (*hai' lit'* «два литра»). Нечто подобное происходит и при переходе от внутренней к внешней оценке квазисинтаксических связей, которые по сопоставлению этих двух оценок подразделяются на корректируемые (направления семантической связи остается неизменным, а направление формальной связи меняется на противоположное: *nhu'ng³ ngu'o'i²* «люди»), опровергаемые (чисто формальная связь меняет направление на противоположное: *sa' toi'* «даже я»), аннулируемые (чисто формальная связь «ликвидируется» с позиций

более сложного синтаксического целого: *go't^s anh'* «с тобой» (подробнее: [12, с. 63–64]).

Будем называть соединение двух слов, между которыми устанавливается синтаксическая связь, словосочетанием, а соединение с квазисинтаксической связью — аналитической формой слова. Для целей настоящей работы достаточно выделить словосочетания с предикативной (*toi' doc^o* «я читаю»), комплетивной (*doc^s sach^s* «читать книгу») и атрибутивной (*sack^s hay'* «интересная книга») связями. Подчиненные элементы этих связей именуются соответственно подлежащим, дополнением, определением, тогда как господствующие элементы в рамках словосочетания, без выхода за его пределы, не могут быть охарактеризованы синтаксически (подробнее см. [11, с. 69–71]).

Относительно предикативных словосочетаний мы уже имели случай заметить, что они не обладают особым грамматическим статусом среди других подчинительных словосочетаний и что господствующий элемент предикативной связи не может быть охарактеризован синтаксически без выхода за пределы словосочетания [11, с. 70]. Подчеркнем еще раз, что сама по себе предикативная связь еще не создает предложения, а наличие двух таких связей не всегда равнозначно наличию двух предложений. В примере *toi' nhu'^c dau'* «У меня болит голова» (букв.: я-болеть-голова) подлежащее *toi'* «я» имеет предикативную связь с сочетанием *nhu'^c ddu'* «болит голова» как единым целым, между компонентами которого также обнаруживается предикативная связь, однако семантически в рассматриваемом примере нет описания двух событий, формально — соположения двух предложений.

Переход от словосочетания к предложению — связан с добавлением к перечисленным синтаксическим понятиям еще одного — сказуемого, под которым понимается абсолютная вершина предложения, в грамматическом плане характеризующаяся категорией утверждения/отрицания и обозначающая признак в самом широком смысле слова. Сказуемое — это то, что утверждается и что может быть подвергнуто отрицанию в исходном варианте (модели) предложения [11, с. 72]. Развиваемый подход связан с некоторым терминологическим неудобством, ибо понятие сказуемого не подводится под рассмотренное выше определение функции, поэтому если по стилистическим соображениям ниже будет иногда употребляться привычное сочетание «функция сказуемого», следует сознавать, что слово «функция» в его составе так же лишено терминологического смысла, как и слово «обстоятельство» в выражениях типа «при таких-то обстоятельствах следует поступить так-то».

В принципе предложение может быть построено на базе любой из рассмотренных выше синтаксических связей: предикативной (*toi' doc^s* «Я читаю»), комплетивной (*nhu' xay' roi'* «Дом построили»), атрибутивной (*derm' Miuya'* «Поздняя ночь»), так что господствующий элемент сочетания автоматически становится абсолютной вершиной предложения, его синтаксической доминантой. Правда, в примерах *toi doc^o* «Я читаю» и *dein' Ichuya'* «Поздняя ночь» вершины предложений интуитивно воспринимаются как обладающие, если можно так выразиться, разной степенью «сказуемости», однако этот вопрос, или, что то же самое, возможность расположить законченные высказывания³ по мере нарастания в них «предложенических» признаков, выходит за рамки настоящей работы.

² Определение предложения см. в [11, с. 71 —72].

³ Определение высказывания см. в [11, с. 72 —74].

Приступая к рассмотрению случаев зависимости слова от предложения, мы, очевидно, должны начать с того же, с чего начинали исследование присловных связей: с установления самого факта интересующей нас зависимости.

Зависимость слова от предложения в целом формально проявляется в том, что слово либо образует эллиптическое высказывание с любым членом предложения, либо не образует его ни с одним. Примером первого рода является слово *co⁵ le³* «возможно» в высказывании *co⁵ le³ nam¹ sau¹ toi¹ di¹ Vie⁶ Nam¹* «Возможно, в будущем году я поеду во Вьетнама: *co⁵ le³ nam¹ sau¹* «возможно, в будущем году», *co⁵ le³ toi¹* «возможно я», *co⁵ le³ di¹* «возможно, поеду», *co⁵ le³ Vie⁶ Nam¹* «возможно, во Вьетнам». Пример второго рода — слово *mu² xuan¹* «весна» в высказывании: *ngu² xuan¹, long² ai¹ khong¹ ho¹ hop⁶ tru¹ o¹ c¹ earth* hoda¹ no¹* «Весна — чье сердце не затрепещет при виде распускающихся цветов». Мы сейчас ограничимся только этими крайними случаями, достаточными для последующей классификации материала, оставляя в стороне специальное рассмотрение вопроса о распространителях предложения.

После того, как связь слова с предложением установлена, необходимо выяснить направления формальной и семантической зависимостей в рамках этой связи. Здесь прежде всего выделяются случаи, представленные последним из вышеприведенных примеров, где предложение допускает замену местопредикативом (*nhu¹ the¹ nao¹?* «каким образом?») и семантически истолковывается как пояснение к связанному с ним слову. Иначе говоря, в таких случаях мы имеем дело с формально-семантической (синтаксической) зависимостью предложения от слова.

Для случаев, когда слово образует эллипсис с любым членом предложения, также возможна зависимость, правда, чисто формальная, предложения от слова. Это имеет место, когда предложение допускает замену местопредикативом при невозможности подтвердить эту формальную связь семантической, поскольку семантически зависимым оказывается исследуемое слово, которое, придавая предложению дополнительное значение условия, причины, цели и т. д., ставит его тем самым в зависимость от какого-то другого предложения. Так, чисто формальная (квази-синтаксическая) зависимость предложения от слова *neu¹* «если» представлена в примере *neu¹ toi¹ di¹ Vie⁶ Nam¹* «если я поеду во Вьетнам». Подобные образования представляют собой синтаксическую форму предложения, аналогичную синтаксеме, и употребляются как единое целое, ни одно из непосредственно составляющих которого, особенно в постпозиции к другому предложению, не может быть опущено.

За вычетом рассмотренного феномена случаи произвольного эллипсиса демонстрируют зависимость слова от предложения, в рамках которой выделяется несколько разновидностей:

1) Максимальная, синтаксически сильная зависимость. Исследуемое слово допускает замену вопросительным словом, семантически истолковывается как пояснение (в отношении времени, места и т. д.) остальной части высказывания и может быть опущено без ущерба для грамматической правильности предложения. Таково слово *Jiom¹ nay¹* «сегодня» в примере *horn¹ nay¹ (Bao¹ gio²?) toi¹ di¹ den⁵ tru¹ o¹ ng²* «Сегодня (когда?) я иду в институт»;

2) Средняя, или синтаксически слабая зависимость. Замена вопросительным словом исключена, но два других признака сохраняются. Примером может служить слово *co⁵ le³* «возможно» в предложении *co⁵ le³ toi¹ di¹ Vie⁶ Nam¹* «Возможно, я поеду во Вьетнам»;

3) Минимальная, квазисинтаксическая зависимость. Исключены два первых признака, сохраняется только возможность опущения, как для слова *a⁶*, передающего вежливое отношение к собеседнику: *toi¹ rfi¹ Viel⁶ Nam¹ a⁶*! «Я поеду во Вьетнам!» Слова, обнаруживающие квазисинтаксическую зависимость от предложения, создают коммуникативную форму последнего, предназначенную для уточнения его контекстных связей и его отношения к тем или иным аспектам прагматической пресуппозиции.

III. Классификация

Любая логическая классификация предполагает неоднородность материала в каком-то отношении. При выделении частей речи наиболее отчетливая неоднородность, предопределяющая первый шаг классификации, состоит в разнохарактерности знаменательных и незнаменательных слов. Еще Л. В. Щерба писал, что такие понятия, как существительное, прилагательное, глагол, совершенно несоотносительны с такими понятиями, как союз и предлог [13]. Иногда специально подчеркивается, что собственно классификации слов по частям речи должно предшествовать их деление на знаменательные и служебные, поскольку служебные слова не могут считаться явлением того же порядка, что и знаменательные [2, с. 74—75]. Во вьетнамском языкознании, кажется, только И. С. Быстров и Н. В. Станкевич придерживаются мнения, что «вовсе не обязательно считать выделение служебных слов первоочередной задачей» [6, с. 98], однако данный тезис остается чисто теоретической декларацией, ибо классификацию материала эти авторы начинают с противопоставления слов, не входящих в группу, словам, входящим в группу [6, с. 99—104], что и является одним из возможных противопоставлений служебных и знаменательных слов, точнее — первым шагом такого противопоставления.

Не возражая в принципе против разграничения знаменательных и служебных слов, составляющего предпосылку дальнейшей классификации, отметим однако, что такое «двоичное» противопоставление, ориентированное на значительное огрубление материала, затрудняет квалификацию некоторых переходных явлений, не укладывающихся в жесткую дихотомию знаменательности/служебности, в связи с чем представляется целесообразным уже для первого шага классификации принять менее огрубленный «многоступенчатый» подход, как это сделано, например, в самой красивой из ныне существующих систем частей речи вьетнамского языка [14]. Для этой цели сгруппируем уже известные нам синтаксические функции в два набора: предикативный (сказуемое, определение) и именной (подлежащее, дополнение). Далее следует принять во внимание, что между любыми двумя функциями возможно одно из следующих отношений:

1) Соотносительность, когда слово может одинаково свободно, без привлечения каких-либо специальных средств, выступать в любой из двух функций. Например, подлежащее и дополнение — соотносительные функции для слов предметной семантики: *Minh² khong¹ trong¹ ro¹ no⁵, no⁵ khong¹ trng¹ ro¹ minh²* (Nguyen³ Huy¹ Tương¹) «Мы (подл.) не можем разглядеть их (доп.), они (подл.) не могут разглядеть нас (доп.)»;

2. Несоотносительность, когда одна из функций ни при каких условиях не может быть переведена в другую. Например, некоторые слова признаковой семантики (*so⁴ sinh¹* «новорожденный», *toe¹ hanh²* «скорый», *Blên¹ pkong²* «пограничный»), свободно употребляющиеся в функции определения, не могут быть сказуемыми [15];

3) Транспозиция, или перевод слова из первичной функции во вторичную. Формальный признак транспозиции — наличие соответствующих показателей, некоторые из которых специализируются на маркировании вторичных функций. Слова с такой специализацией условимся называть показателями транспозиции или, как предлагают некоторые авторы, транспозиторами [16]. Примером может служить связка *la²* «быть», обеспечивающая словам предметной семантики возможность быть сказуемыми.

С учетом изложенного вьетнамские слова подразделяются на пять крупных блоков: три синтаксических (полный, неполный, минимальный) и два квазисинтаксических (аргументный и функциональный). Рассмотрим подробно перечисленные блоки и их внутренний состав.

1. Полный синтаксический блок. В его состав входят слова, обладающие полным набором именных и предикативных функций. Условимся называть такие слова **знаменательными**. Знаменательные слова включают две крупные группировки — предикатив и имя. Для предикатива первичны предикативные функции, для имени — именные.

В составе предикатива выделяются два грамматических класса: глагол и прилагательное. Каждый из них характеризуется соотносительностью предикативных функций, хотя при прочих равных условиях реализация сказуемостных свойств прилагательного в большей мере связана с опорой на присловные актуализаторы: сочетания типа *nha² cao¹* «высокий дом», *nu'o^c trong¹* «прозрачная вода», *ku⁴ lud⁶ chaf⁶* «строгая дисциплина», *y² blen⁶ hay¹* «интересная мысль» вне контекста воспринимаются только как атрибутивные; ср., однако: *Ky⁴ luaf⁶ chien⁶ tru'o^{ng} chaf⁶ lam⁵* (*Van¹ Phan¹*) «Полевой устав очень строг»; *Nhu⁴ vay⁶ la² tri⁵ nho⁶ cua⁶ anh¹ kha⁵ toi⁶* (*Hu⁴ Ma²*) «Выходит, память у тебя довольно хорошая».

Перевод предикативов во вторичные для них именные функции осуществляется с помощью системы транспозиторов — абстрактных существительных разной степени грамматикализации. При минимальной грамматикализации (*sh¹** «факт», *ghe^s* «дело») присоединение существительного к предикативу в целях транспозиции последнего дает подтверждаемую синтаксическую связь, а соответствующее существительное в* принципе обладает полным набором именных функций. Средняя степень грамматикализации (*ca¹* «вещь», *suoc⁶* «процесс») означает ограничение именных функций функцией счетного слова и опровергаемую синтаксическую связь при сочетании с предикативом. Максимальная грамматикализация (*noi⁶* этимологич. «состояние», *nien⁶* этимологич. «чувство») связана с полной утратой именных функций и переходом слова в разряд служебных, образующих в сочетании с предикативом опровергаемую квазисинтаксическую связь.

Транспозитор *su⁴* «факт», наиболее абстрактный из всех, употребляется преимущественно с глаголами, реже — с прилагательными, осуществляя транспозицию в чистом виде, без каких-либо семантических осложнений значения действия или качества как такового (*phat⁶ trien⁶* «развиваться» — *s¹⁰ phat⁶ trierfi⁶* «развитие» как абстрактное понятие; *cao¹ quy⁵* «возвышенный» —> *su⁴ cao¹ guy⁵* «возвышенное»). *Viec⁶* «дело» в качестве показателя транспозиции обслуживает исключительно глаголы, передавая при этом конкретно-событийное значение: *phat⁶ trien⁶* «развиваться» —> *viac⁶ phat⁶ trien⁶* «развитие» как некоторое событие или совокупность событий.

Показатель транспозиции *ca¹* «вещь», обслуживая различные разряды предикатов, выступает вместе с тем как основной транспозитор прилагательных, обычно осуществляя их транспозицию в чистом виде, хотя в ряде случаев и можно говорить о привнесении этим показателем некоторого

дополнительного значения, которое (особенно при наличии взаимозаменимости *su⁶lai⁶*) поддается истолкованию как опредмечивание соответствующего признака: *dep⁶* «красивый» → *su⁶ dep⁶* «красота» как абстрактное понятие / *cai⁶ iep⁶* «то, что красиво». Слово *cudc⁶* «процесс» в качестве показателя транспозиции обслуживает только глаголы, передавая процессуальное значение: *uau⁶ tranh¹* «бороться» —* *cudc⁶ uau⁶ tranh¹* «борьба» как нечто протяженное во времени.

Некоторые показатели транспозиции обслуживают лишь определенные лексические разряды предикативов, как, например, служебное слово *niem²* (этимологич. «чувство»), распространяющееся преимущественно на глаголы, обозначающие положительные эмоции (*niem² vui⁶* «радость», *niem² tin¹* «вера», *niem² hy¹ vong⁶* «надежда», *niem² phdn⁶ khoi⁷** «энтузиазм») и служебное слово *noi³* (этимологич. «состояние»), сочетающееся преимущественно с глаголами, передающими нейтральные или отрицательные душевные состояния (*noi³ nna⁶* «вспоминание», *noi³ lo¹* «беспокойство», *noi³ buon² tui⁶* «тоска», *noi³ e¹ ngai⁶* «страх»).

Имена в целом — это слова предметно-событийной семантики, характеризующиеся соотносительностью именных функций. Кроме того, взятые сами по себе, без сопровождения других слов, имена могут выступать как несоотносительные со сказуемым определения: *sach³ thu¹ vien⁶* «библиотечная книга», *nha² go³* «деревянный дом». Соотносительность со сказуемым именные определения приобретают лишь в сочетании с теми или иными словами, например, предлогами, обеспечивающими именам признаковую (предикатную) семантику и тем самым возможность перевода в предикативные функции: *sach³ cua⁶* thu¹ vien⁶* «библиотечная книга» → *sach³ nay² cita⁶ thu¹ vien⁶* «эта книга — библиотечная»; *nha² bang² go³* «деревянный дом» → *nha² nay² bang² go³* «этот дом — деревянный». Если для предлогов роль именных транспозиторов — одна из побочных, то связь *la²* «быть» специализируется на переводе имен в предикативные функции: *Toi¹ la² vo⁶ cau¹* (*Nguyen¹ Cong¹ Hoan¹*) «Я — твоя жена»; *Nhieu¹ cau¹ la² tan¹ binh¹ danh⁵ rat⁶ cu¹* (*Van¹ Phan¹*) «Многие юноши-новобранцы сражались очень хорошо».

Имена подразделяются на два грамматических класса: существительные и (личные) местоимения. Если существительные в сопровождении связки все же могут выступать как полноценные сказуемые, то для местоимений этого условия оказывается недостаточно. Само по себе оформление связкой еще не создает предикатной семантики местоимения, которое и при таком оформлении сохраняет чисто идентифицирующее значение: *Ann¹ a², anh¹ thu¹ ong¹ binh¹ do¹ la² toi¹, chinh⁶ toi¹* (*Nguyen¹ Quang¹ Truc⁶*) «Знаешь, тем раненым был я, именно я». Сказуемым местоимение может сделаться лишь тогда, когда подлежащее тоже выражено местоимением. Обоснование данного синтаксического анализа выходит за рамки настоящей работы, поэтому сейчас ограничимся замечанием, что четыре грамматических класса, образующие полный синтаксический блок, могут быть расположены по шкале с убывающими сказуемостными свойствами: глагол — прилагательное — существительное — местоимение.

П. Неполный синтаксический блок. В его состав входят слова, не обладающие полным набором именных и предикативных функций, но способные выступать в нескольких синтаксических функциях, причем для некоторых классов оказываются допустимы синтаксические функции, не представленные в именном и предикативном наборе. Будем называть слова неполного синтаксического блока **полузменательными**. Они включают четыре грамматических класса,

не образующих каких-либо оолее крупных группировок в составе блока: числительные, локативы, темпоративы, детерминативы.

Числительные лишены именных функций и имеют в качестве первичной лишь одну функцию — определение — из предикативного набора: *hai¹ ngu¹ o¹ i²* «два человека», *phong² ba¹* «комната (номер) три». Функция сказуемого для числительных вторична и реализуется только с опорой на показатель транспозиции, например, связку *la²* «быть»: *hai¹ lan¹ hai¹ la² Bón¹* «Дважды два — четыре». Сочетания «числительное — имя» в грамматическом плане может соответствовать либо атрибутивному словосочетанию (подтверждаемая синтаксическая связь), либо синтаксически неделимой конструкции (аннулируемая синтаксическая связь). Ср.: *trong¹ phong² co² Bón¹ ngu¹ o¹ i²* «В комнате четыре человека» → *trong¹ phong² co² ngu¹ o¹ i² ** «В комнате люди», но: *to¹ hoc¹ bon¹ ngu¹ o¹ i²* «учебная группа из четырех человек». Положение с числительными прямо противоположно тому, которое наблюдается у локативов: числительные легко утрачивают способность быть определением, локативы — способностью быть определяемым.

Локативы (*tren¹* «верх», *du¹ o¹ i²* «низ», *giu¹ a¹* «середина» ...) имеют одну функцию (дополнение) из именного и одну функцию (определение) из предикативного набора, обладая к тому же еще и способностью выступать в функции обстоятельства места: *toi¹ len¹ tren¹* «Я поднимаюсь вверх»; *toi¹ o¹ a¹ tang² tren¹* «Я живу на верхнем этаже»; *tren¹, ngu¹ o¹ i² ta¹ di¹ lai¹ tap¹ nap¹* «Наверху люди ходят с шумом туда-сюда». Сейчас мы не рассматриваем конструкции типа *tren¹ la² nui¹* «Вверху — гора» — единственные, где у локатива можно предположить функцию подлежащего, однако даже если принять такую трактовку, тезис о несоотносительности функций дополнения и подлежащего остается для локативов в силе, ибо в глагольных предложениях дополнение-локатив в отличие от дополнения-существительного преобразования в подлежащее не допускает.

В сочетаниях «локатив -j- имя» могут реализовываться грамматические связи двух типов:

1) Подтверждаемая синтаксическая связь. Таковы атрибутивные словосочетания, в которых имя выступает как определение к локативу: *toi¹ vao² trong¹ (nha²)* «Я вхожу внутрь (дома)». В подобных примерах локативы полностью сохраняют свое пространственное значение, что проявляется в возможности заменить именное определение детерминативом [*toi¹ vao² trong¹ {nay²}* букв.: «Я вхожу в (это) внутреннее пространство»] и в возможности преобразовать локатив в определение с пространственным значением: *trong¹ nha²* «внутри дома» —* *nha² trong¹* «внутренний дом», *tren¹ nui¹* «на горе» → *nui¹ tren¹* «верхняя гора», *du¹ o¹ i² cay¹* «под деревом» —→ *cay¹ du¹ o¹ i²* «нижнее дерево».

2) Аннулируемая квазисинтаксическая связь: *dii¹ o¹ i² cbl¹ rfo¹ phong¹ Blén¹ nong¹ dan¹ song¹ kho¹ so¹ ** «При феодальном режиме крестьянам жилище тяжело». Подобные примеры, не допуская ни опущения существительного, ни других описанных в предыдущем пункте преобразований, иллюстрируют некоторый семантический сдвиг в исходном значении локативов и как следствие этого утрату локативом способности быть определяемым.

Темпоративы (*hom¹ nay¹* «сегодня», *ngay² nay¹* «в настоящее время», *gan² day¹* «недавно...») имеют одну функцию (определение) из предикативного и одну функцию (дополнение) из именного набора, обладая к тому же еще и способностью выступать в функции обстоятельства времени: *toi¹ khong¹ biet¹ gi² den¹ chuyen¹ hom¹ qua¹* «Я ничего не знаю о вчерашнем

деле»; *cuo⁶ ho⁶ keo⁰ dai² den⁵ khu¹* «Собрание затянулось допоздна»; *ngay² nay¹ ai¹ cung⁶ la¹ ngu⁰oi² chu¹ so¹ phan⁶ cua¹ minh²* «В настоящее время каждый сам хозяин своей судьбы».

Детерминативы (*nay²* «этот», *ay⁶* «тот», *kia¹* «тот» ...) все без исключения могут быть определениями к существительным: *sink¹ vien¹ nay²* «этот студент», *nha² kia¹* «тот дом». Некоторые детерминативы могут выступать в функции подлежащего связочных конструкций (*do¹ la² mof chuyen⁶ hay¹* «Это — интересный случай»), некоторые — в функции дополнения при глаголах движения (*no⁰ chay¹ den⁰ day⁰* «Он подбежал туда»), но поскольку ни один из детерминативов не может быть подлежащим глагольного предложения, функция дополнения у детерминативов несоотносительна с функцией подлежащего.

III. Минимальный синтаксический блок. В его состав входят слова, для которых именные функции исключены, а из предикативных возможна лишь функция несоотносительного со сказуемым определения. Условимся называть такие слова пол услужбными. Они включают четыре грамматических класса: модальные слова, адъективно-адвербиальные слова, адъективы, наречия.

Для модальных слов (*co⁰ le¹* «может быть», *hin² nhu⁴* «вроде бы», *qua⁴ nhien¹* «естественно» ...) типична выходящая за рамки именного и предикативного наборов функция определения к предложению: *Co⁰ le¹ anh¹ da³ bi¹ chu¹phat⁶* (*Le¹ Minh¹*) «Может быть, он наказан хозяином?» Кроме того, некоторые модальные слова могут функционировать как определения к существительному или глаголу: *ket⁰ qua⁴ tat⁰ nhien¹* «закономерный (естественный) результат», *no⁰ tu¹ nhien¹* «говорить непринужденно (естественно)».

Адъективно-адвербиальные слова способны выступать только как определения к существительному или глаголу: *chu⁴ toe¹ ky¹⁰* «стенографический знак» / *viet⁰ toc⁰ ky¹* «писать стенографически»; *hoc⁶ sink¹ ham² thu⁵* «ученик-заочник» / *hoc⁶ ham² thu⁵* «учиться заочно»; *chu⁴ nghia⁴ hin² quan¹* «уравнительная доктрина» *chia¹ binh² quan¹* «разделить поровну» [15].

Адъективы — это слова, которые могут выступать только как определения к существительному: *nha² ho¹ sink¹* «родильный дом», *tau² toc⁰ hanh²* «скорый поезд». *B⁶ ao¹ Men¹ phong²* «пограничные войска».

Наречия — это слова, которые могут выступать только как определения к предикативу: *Think⁴ thoang^{*} toi¹ gap¹ Van¹ (Tran² Bao⁴)* «Время от времени я встречался с Вэном». Некоторые односложные наречия обладают фиксированной позицией относительно предикатива (*rat⁰ dep⁰* «очень красивый», *cao¹ lam⁰* «слишком высокий») и обнаруживают тенденцию к грамматикализации. Таким образом, ограниченность синтаксических функций в ряде случаев может вести к утрате ими своего синтаксического статуса.

IV. Аргументный квазисинтаксический блок. В его состав входят слова, способные выступать как формально господствующие при внутренней оценке квазисинтаксических сочетаний. Условимся называть такие слова служебными. В корректируемых связях это категориальные (морфологические) служебные слова, в опровергаемых — коммуникативные, в аннулируемых — синтаксические. Роль всех этих служебных слов состоит в создании аналитической формы слова, причем категориальные, коммуникативные, синтаксические служебные слова как относящиеся к различным ипостасям знаменательного слова не исключают друг друга, но вполне могут обслуживать знаменатель-

ное слово одновременно: *chinhP vo¹ nhưng³ ngu'o¹ ay^a* «именно с этими людьми».

Класс коммуникативных служебных слов (*ca¹* «даже», *ngay¹* «даже», *chinh^b* «именно» ...) — самый малочисленный, включающий менее десятка единиц. Будучи формально связаны с тем или иным знаменательным словом, как правило, с именем, коммуникативные служебные слова фактически обслуживают высказывание в целом, уточняя его семантические связи с presupпозицией и контекстом. Ср.: *ca¹ toi¹ cung³ khwng¹ hieu⁶* «даже я не понимаю» (т. е. другие тоже не понимают, но я должен был бы понять и тем не менее этого не произошло); *chink³ toi¹ cung³ khong¹ hiiu¹* «именно я не понимаю» (а не кто-нибудь другой).

Категориальные служебные слова (*nhu'ng³* — показатель мн. ч. существительных, *se¹* — показатель буд. вр. предикатива...) более многочисленны и обслуживают два крупных объединения знаменательных слов — имя и предикатив — выражая их грамматические категории. Это обстоятельство в какой-то мере было использовано в известной работе Ле Ван Ли, где показатели категорий входят в число так называемых слов-свидетелей, сочетаемость с которыми служит основанием для разграничения имен и предикативов [17]. Более убедительно это представлено в классификациях, продолжающих традицию Ле Ван Ли, но упрощающих вместе с тем его очень громоздкие списки слов-свидетелей, ограничивая их показателями грамматических категорий и некоторыми разрядами полуслужебных слов [18, 19].

Синтаксические служебные слова (*vo¹* «с», *vi²* «из-за», *va¹* «к тому же»...) распространяются главным образом на имя и предикатив, создавая их синтаксические формы. Являясь самым многочисленным классом в аргументном блоке, синтаксические служебные слова образуют сложную систему подклассов, установление которой связано с дальнейшей конкретизацией понятия синтаксической связи (подробнее см. [20]).

V. Функциональный квазисинтаксический блок. В его состав входят слова, которые, вступая в связь с предложением в целом, обнаруживают при этом квазисинтаксическую зависимость от него. Условимся называть такие слова *частичами*. Они подразделяются на три грамматических класса: междометия, начальные частицы, конечные частицы.

Междометия, помимо связи с предложением в целом, могут образовывать самостоятельные высказывания, являющиеся либо звукоподражаниями (*Oang-*) «Бах!», либо непосредственным выражением эмоций говорящего (*Ckao bi¹* «Увы!»).

Начальные частицы самостоятельных высказываний не образуют, однако могут отделяться от последующего предложения паузой, что на письме передается соответствующими орфографическими знаками. В семантическом плане эти частицы представляют собой своеобразные введения к последующему высказыванию, рассчитанные главным образом на привлечение внимания слушающего к тому или иному моменту, как правило, внешнему относительно содержания беседы как таковой: *Nay², ba¹ dau² di¹ chu⁶* (*Nguyen³ Cong¹ Hoan¹*) «Ну! Пора начинать, что ли?»; *A² a² Toi¹ ro³ ra¹ roi²* «А! Все понятно».

Конечные частицы не образуют самостоятельных высказываний и не отделяются паузой от предшествующего предложения. Конечные частицы — это как бы комментарий к сделанному высказыванию, уточняющий семантические связи высказывания с контекстом и с предполагаемым знанием собеседника, а в ряде случаев выражающий еще и отношение

говорящего к собеседнику (подробнее см. [21]): *C ac⁵ phao⁵ thu⁴ deu² mac⁶ quan² ao⁵ dep⁵. Quay¹ phim¹ ma² (Ngo¹ Van¹ Plu¹)* «Весь оружейный расчет нарядно одет. Ведь фильм снимают!»; *Ba² dung² gian⁶ n'ze⁶ (Nguyen² Cong¹ Hoan¹)* «Уж вы, пожалуйста, не сердитесь».

Рассмотренная выше система частей речи вьетнамского языка может быть представлена в виде схемы (с. 88).

Выделением частей речи исчерпываются возможности функционального подхода. Поскольку однако грамматические различия между словами не сводятся исключительно к функциональным, более подробный грамматический анализ не может удовлетвориться той сравнительно высокой степенью огрубления материала, которая принимается при выделении классов слов. Последние в свою очередь должны стать объектом дальнейшей классификации, приводящей к выделению грамматических подклассов на основании комбинаторных возможностей слова, поэтому такая классификация предполагает критический анализ сложившегося во вьетнамском языкознании комбинаторного подхода лежащего в его основе понятия группы, что выходит за рамки настоящей статьи и составляет предмет особого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 420.
2. Яхонтов С. Е. Понятие частей речи в общем и китайском языкознании // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л., 1968.
3. Курилович Е. Р. Заметки о значении слова // ВЯ. 1955. № 3. С. 74.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 287.
5. Быстрое И. С., Нгуен Тай Кан, Станкевич Н. В. Грамматика вьетнамского языка. Л., 1975.
6. Быстрое И. С., Станкевич Н. В. Опыт классификации слов вьетнамского языка // Вьетнамский лингвистический сборник. М., 1976.
7. Шерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 66.
8. Быстрое И. С., Станкевич Н. В. О глаголах-предлогах вьетнамского языка // Уч. зап. ЛГУ. Сер. востоковед, наук. 1980. № 7. Вып. 23. С. 9.
9. Быстрое И. С. Классификация глаголов во вьетнамском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1966. С. 8—17.
10. Быстрое И. С., Станкевич Н. В. К вопросу о грамматикализации некоторых вьетнамских глаголов // Пятая научная конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии: Тез. докл. Л., 1974. С. 26.
11. Панфилов В. С. Исходные понятия вьетнамского синтаксиса // ВЯ. 1984. № 1.
12. Панфилов В. С. О вьетнамских классификаторах // ВЯ. 1988. № 4.
13. Шерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л., 1958. С. 24.
14. Нгуен Минь Тхюет. Подлежащее во вьетнамском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. С. 2—3.
15. *Be¹ Xuan¹ Thai⁶. Ve² cac⁵ dong⁶ tu¹² va² tinh⁵ tu¹² khong¹ tru⁶ tiep⁶ lam² vi⁶ ngu¹³ trong¹ tieng⁵ Viet⁶ // Ngon¹ ngu¹³. 1982. No 1. Tr. 49.*
16. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 1979. С. 60.
17. *Bi¹ Van¹ Ly.* Le parler vietnamien. P. 1948. P. 164—165.
18. Martini F. L'opposition nom et verbe en vietnamien et en siamois // BSLP. 1950. T. XLVI. Fasc. 1. P. 186, 190.
19. Honey P. J. Word classes in Vietnamese // BSOAS. 1956. V. XVIII. Pt 3. P. 537—539.
20. Панфилов В. С. Синтаксические служебные слова во вьетнамском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1967. С. 8—12.
21. *Фан Мань Хунг.* Модальные частицы во вьетнамском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982. С. 4—18.